

UDC 94(470.6)"1920": 94(470.6)"1930"

Research Practice
The Study of Agrarian Communities in the Russia's South 1920s–1930s

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russian Federation
 PhD (History)
 E-mail: BSD73@mail.ru

Abstract. The article overviews historiographic issues in the lifestyle of South Russian agrarian (peasant and Cossack) communities of 1920s and 1930s, as well as theoretic-methodological research tools of these communities. The key principles, directions and results of researched issues of life of the farmers of the Don, the Kuban and Stavropol during NEP time and the period of collective construction are identified. Now existing academic schools for the study of peasant-Cossack communities of the 1920s and 1930s in the Southern Russian are briefly described and their activity was assessed.

Keywords: agrarian community; historiography; the Cossacks; collectivization; collective farms; the peasantry; rich peasants; destitution of rich farmers; depriving of Cossacks' identity; scientific school.

Введение. На протяжении многих столетий российское крестьянство играло роль станового хребта отечественной государственности: крестьяне платили львиную долю налогов в казну, содержали (прямо или опосредованно) многочисленных служилых людей, бесперебойно поставляли в армию неприхотливых, выносливых и отважных бойцов и, в конце концов, кормили население России. Вольно или невольно, но крестьянство выступило и чрезвычайно важным ресурсом советской модернизации, превратившей СССР в одну из ведущих мировых держав. Хотя, по иронии судьбы, все та же модернизация поставила предел историческому бытию традиционного крестьянства, возникшее по ее итогам крестьянство колхозное являлось многочисленной социальной группой советского общества, обеспечивающей функционирование аграрного сектора экономики и отвечающей за продовольственную безопасность страны. Поэтому колхозники пользовались устойчивым вниманием советских писателей, сценаристов, публицистов и ученых. В том числе, историки-аграрники активно разрабатывали проблематику формирования и деятельности советской генерации крестьянства, тщательно исследуя как доколхозную деревню эпохи нэпа, так и период коллективизации и последующего развития коллективизированной деревни. Интерес общественности и ученого мира к прошлому и настоящему российской деревни заметно охладил лишь в постсоветский период (правда, первоначально был замечен вызванный «перестройкой» и «гласностью» ажиотаж вокруг болезненных вопросов «раскулачивания» и «расказачивания», антикрестьянских акций времен коллективизации и Великого голода 1932–1933 гг.). В значительной мере это обуславливалось процессом разрушения колхозной системы во время либерал-радикальных реформ 1990-х гг. и игнорированием насущных нужд села так называемыми «реформаторами».

Сегодня в мире происходят события, со всей очевидностью доказывающие неправомерность действий «гарвардской шпаны» [1], объявившей российское сельское хозяйство «черной дырой», отказавшей деревне в праве на развитие и выступившей с броским лозунгом «Запад нас накормит!», являлись не просто ошибкой кабинетных реформаторов, но прямым предательством национальных интересов. Развернувшаяся на фоне украинского кризиса война экономических санкций между Россией и Западом с беспощадной ясностью показывает, насколько сильно продовольственная безопасность нашей страны зависит от иностранных поставщиков и почему отечественный аграрный сектор остро нуждается в поддержке государства. В этой ситуации отрадно декларируемое руководством России намерение учитывать интересы отечественных аграриев и обеспечить развитие нашего сельского хозяйства.

Материалы и методы. Одним из условий успешного реформирования и развития сельского хозяйства в современной нам Российской Федерации выступает тщательное, всестороннее и объективное осмысление опыта предшествующих преобразований в аграрной сфере, которое невозможно без активизации исторических исследований в соответствующем направлении. При этом наиболее актуальным представляется осмысление и переосмысление многократно изучавшегося, но до сих пор вызывающего немало дискуссий переломного этапа в истории российской деревни, каковым выступают 1920–1930-е гг. С точки зрения модернизации сельхозпроизводства эти десятилетия, на первый взгляд столь разные (относительно либеральная эпоха нэпа и сопряженный с массовыми репрессиями «великий перелом») выступают как этапы одного пути, когда советская власть первоначально терпела существование индивидуальных крестьянских хозяйств рядом с колхозно-совхозным сектором, а с конца 1920-х гг. она взяла курс на унификацию аграрной сферы

путем полного вытеснения архаичного мелкокрестьянского производства крупными, технически оснащенными сельхозпредприятиями, – колхозами и совхозами.

В создавшейся ныне ситуации актуализация изучения такого этапа в истории российской деревни, как 1920–1930-е гг., обусловлена определенными историческими параллелями. Ведь тогда, как и сейчас, ведущая и направляющая роль в модернизации аграрного сектора принадлежит государству. Соответственно, анализ реформаторских методик эпохи колхозного строительства позволяет сегодня правильно использовать мощь государства и потенциал общества, повысить эффективность полезных наработок советской эпохи и снизить риск вероятностных исторических ошибок.

Учитывая вышеизложенное, в представленной публикации мы предприняли попытку проанализировать динамику ведущих направлений, теоретико-методологического инструментария и результатов, осуществлявшихся в советский период и продолжающихся поныне научных исследований аграрных сообществ Юга России 1920–1930-х гг. Поскольку в рамках одной публикации никоим образом невозможно хотя бы удовлетворительно проанализировать общероссийскую (тем более, общесоюзную) историографию доколхозной и коллективизированной советской деревни, выбор территориальных рамок нашей работы, – Дона, Кубани и Ставрополья, – предопределен преимущественно аграрным характером экономики перечисленных регионов. Представителями властных структур, в том числе и большевиками, Дон, Кубань, Ставрополье с полным основанием расценивались как весьма важные зернопроизводящие регионы и вовсе не случайно их включили в первоочередной состав объектов сплошной коллективизации. Региональные материалы содержат богатейший массив информации о жизнедеятельности крестьянско-казачьих сообществ в 1920–1930-х гг. и о модернизации сельхозпроизводства здесь, и это всегда привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей.

Южно-российская региональная историография проблемы состояния, развития и преобразований деревни в 1920–1930-х гг. весьма обширна. В этом легко убедиться, бросив лишь беглый взгляд на специальные публикации или соответствующие разделы в монографиях, посвященных аграрной тематике. Собственно, будучи ограничены рамками публикации, исключая возможность тщательного рассмотрения всего обширного комплекса научных работ по рассматриваемой нами проблеме, мы вынуждены ограничиться обзорным анализом наиболее важных, знаковых узким специалистам исследований. С учетом объема настоящей статьи подобная избирательность отнюдь не является недостатком, поскольку сосредоточение нашего внимания на наиболее важных работах позволяет успешно решить поставленные задачи. Заинтересованный же читатель может ознакомиться с подробным анализом историографии различных аспектов жизнедеятельности южно-российского крестьянства и казачества 1920-х – 1930-х гг. в изданных на протяжении последних лет монографиях А.П. Скорика, В.А. Бондарева, Т.В. Панковой-Козочкиной, Т.А. Самсоненко, Р.Г. Тикиджьяна, М.А. Гадицкой, характеристика которых будет дана нами на последующих страницах настоящей публикации.

Обсуждение. С самого начала периода 1920-х гг. южно-российские исследователи активно приступили к освещению и осмыслению тех процессов, которые разворачивались в доколхозных селах и станицах. Анализ разнообразных статей, брошюр и монографий позволяет выделить ряд теоретических и методологических доминант, характерных не только для издававшихся на Юге России работ по аграрной тематике 1920–1930-х гг., но и для всей советской историографии в целом.

Теоретико-методологической базой советской науки, в том числе исторической, являлся марксизм, одновременно выступавший и фундаментом коммунистической идеологии. Тем самым, идеология и наука в СССР тесно сосуществовали на одной идейной основе, причем, первая в сильнейшей степени влияла на вторую, а зачастую, – определяла ее; последнее обстоятельство далеко не самым лучшим образом отражалось на качестве исторических наследований, снижая объективность и обоснованность авторских суждений и выводов. Безусловное доминирование марксизма предопределяло ведущие подходы и направления исторических исследований, в том числе и в области аграрной истории. На протяжении рассматриваемого нами периода превалировали классовый, историко-экономический и историко-политический подходы. Если первый трактовал историю человечества как вечную битву антагонистических классов и нацеливал советских исследователей на освещение социальных антагонизмов и социальных конфликтов, то второй акцентировал внимание специалистов на глубоком изучении экономических (социально-экономических) процессов как факторов, определявших ход и характер процессов социально-политических, которые выступали объектом внимания в рамках третьего из указанных подходов. Социально-экономические и социально-политические процессы и проблемы всегда находились в центре внимания советских исследователей, но актуальность отдельных вопросов в рамках этих проблем неоднократно изменялась под влиянием внутри- и внешнеполитических событий. Все это оказало самое непосредственное влияние на процесс освещения жизнедеятельности аграрных сообществ Дона, Кубани и Ставрополья в 1920–1930-х гг.

В первой половине 1920-х гг. основные усилия южно-российских исследователей были сосредоточены на освещении процесса восстановления сельского хозяйства [2-5], поземельных отношениях и землеустройстве [6], имущественной и социальной дифференциации хозяйств

земледельцев [7-9], кооперации и колхозном строительстве [10-11]. Определенное внимание уделялось функционированию системы сельских советов [12-13], а после того, как с апреля 1925 г. партийное руководство провозгласило кампанию «лицом к деревне», которую в казачьих районах Юга России справедливо расценили как «лицом к казачеству», появился ряд работ о жизнедеятельности казачьих сообществ [14-15].

Надо подчеркнуть, что в 1920-х гг. освещение тех или иных процессов в селах и станицах Юга России мотивировалось не столько отвлеченно-теоретическим научным интересом, сколько практическими соображениями. В случае с восстановительными процессами в аграрном секторе существовал экономический интерес: исследователи констатировали и анализировали ход и результаты расширения посевных площадей, увеличения численности скота и т.п., что способствовало выработке дальнейших мер по восстановлению хозяйства. Внимание к вопросам дифференциации сельского населения, землеустройства и пр. определялось идеологическими установками большевиков и их социально-политическими расчетами, в соответствии с которыми в деревне ставку необходимо было делать на бедняцко-батрацкие слои и решительно ограничивать рост кулацко-зажиточной верхушки. В итоге, сильной стороной работ по аграрной тематике, издававшихся в 1920-х гг. на Юге России, являлась фактура, набор конкретно-исторических сведений (наличие цифр, материалов, статистических выкладок), тогда как объективность авторских выводов и суждений зачастую минимизировалась влиянием политико-идеологических установок компартии.

С началом сплошной форсированной коллективизации практика исследований казачье-крестьянских аграрных сообществ эпохи нэпа на Юге России стремительно сошла на нет. Ученые и публицисты полностью сосредоточились на освещении колхозного строительства, поставив на первый план такие аспекты отмеченной темы, как ликвидация «кулачества», динамика численности колхозов, их организационно-хозяйственное укрепление и т.п. [16-17] Вследствие резкого ужесточения внутривластной ситуации в Советском Союзе в эпоху «великого перелома», работы по колхозной тематике, издававшиеся на Дону, Кубани и Ставрополье в конце 1920–1930-х гг., были политизированы в гораздо большей степени, чем исследования предшествующего десятилетия. Данное обстоятельство весьма существенно снижает научно-теоретическую ценность данных работ, хотя это вовсе не означает, что под названным предлогом они не могут считаться фактом историографии.

В годы Великой Отечественной войны, по очевидным причинам, не проводились исследования ни коллективизированной, ни, тем более, доколхозной деревни Дона, Кубани и Ставрополья. Лишь во второй половине 1940–начале 1950-х гг. южно-российские специалисты вновь заинтересовались тематикой и коллективизации, и развития нэповской деревни. Интерес этот не ослабевал вплоть до окончания советской эпохи, следствием чего стало написание великого множества разнообразных работ – монографий, диссертаций, брошюр, статей, тезисов. Даже просто перечислить эти работы в рамках нашей публикации физически невозможно. Укажем лишь некоторые исследования, которые, на наш взгляд, являются наиболее объемными, информативными и значимыми в познавательном и научно-теоретическом плане.

В общей массе относящихся к 1950–1980-м гг. исторических исследований о южно-российской доколхозной деревне следует, как нам представляется, выделить обстоятельные монографии М.И. Овчинниковой, Е.В. Устиновского, П.Г. Чернопицкого [18-20]. Авторы этих работ сумели сформировать многократно расширенную, по сравнению с исследованиями предшествующих лет и десятилетий, источниковую базу и на ее основе тщательно проанализировать особенности социальных отношений на селе в эпоху нэпа, колхозно-кооперативное движение, динамику посевных площадей, поголовья скота, численности сельхозрудий.

В длинном списке изданных на Юге России в послевоенные советские десятилетия работ о коллективизации и развитии колхозной деревни заслуживают упоминания диссертации и монографии П.З. Канцдалова, В.Н. Пейгашева, Е.Н. Осколкова, Е.И. Турчаниновой [21-24]. В них обстоятельно освещалась динамика коллективизации, меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, борьба с «кулаками».

Тем не менее, при позитивных количественных сдвигах (здесь мы имеем в виду не только резкое увеличение со второй половины 1940-х гг. численности работ по интересующей нас проблематике, но также и весьма существенное расширение круга источников и рассматриваемых вопросов), качественные характеристики послевоенной советской историографии аграрных сообществ Юга России 1920-х – 1930-х гг. не претерпели серьезных изменений. По-прежнему ученые анализировали сельскую действительность Юга России эпохи нэпа и колхозного строительства в рамках историко-экономического и историко-политического подходов. В полной мере сохранялся приоритет классового подхода, исследовательский интерес к антикулацким мероприятиям советского правительства оставался традиционно высоким. Тематика классовой борьбы присутствовала практически в каждой работе по рассматриваемой нами проблеме, а также ей посвящались специальные исследования, вполне обстоятельные и информативные, как диссертация В.Е. Щетнёва или совместная монография В.И. Иванова и П.Г. Чернопицкого [25-26]. Наконец, не претерпел радикальных изменений и политико-идеологический базис издававшихся во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. работ, хотя во времена «оттепели» и даже несколько позднее отдельные исследователи позволяли себе критические замечания в адрес аграрной политики сталинского режима.

Серьезные трансформации, – причем, не только количественные, но и качественные, – ожидали советскую и, в частности, южно-российскую историографию аграрных сообществ 1920–1930-х гг. только в связи с развертыванием «перестройки» и «гласности». Появление действительной свободы слова, а затем и крушение СССР, дало исследователям возможность освещать ранее запретные вопросы советского прошлого: это, так сказать, количественные изменения в постсоветской историографии, заключающиеся в значительном увеличении числа подвергнутых научному анализу тем. Одновременно, монополия марксизма в сфере методологии сменилась методологическим плюрализмом, что привело к появлению новых направлений и подходов к осмыслению минувшего и, в том числе, – южно-российских аграрных сообществ эпохи нэпа и времен коллективизации; здесь мы видим уже качественные изменения в историографии.

Освободившись от гласных и негласных табу, южно-российские ученые в конце 1980–1990-х гг. сосредоточили усилия на освещении ранее замалчивавшихся вопросов советской истории, в той или иной мере касавшихся и жизнедеятельности крестьянства и казачества Дона, Кубани и Ставрополя в историческую эпоху нэпа и «великого перелома». В частности, в работах А.В. Баранова, А.И. Кругова, А.А. Панарина, Я.А. Перехова объективно и обстоятельно повествовалось о причинах и масштабах голода 1921–1922 гг., повстанческом движении на Юге России на исходе Гражданской войны, антикрестьянских и антиказачьих мерах большевиков, о жесткой налогово-заготовительной политике советской власти, о неоднозначном и нередко отрицательном отношении хлеборобов к колхозам и кооперации [27-31].

Никоим образом не был обойден вниманием и период коллективизации, поскольку в его рамках наличествовали табуированные и еще более острые вопросы, чем в доколхозную эпоху. Голод 1932–1933 гг., депортация населения «чернодосочных» станиц, репрессивные меры сталинского режима в отношении южно-российских хлеборобов во время коллективизации, – эти и другие неудобные для партийно-советских властей вопросы впервые были рассмотрены в постсоветский период в работах Е.Н. Осколкова (которому принадлежит благородная роль «первооткрывателя» отмеченных тем в региональной историографии), Р.М. Куцетерова, П.Г. Чернопицкого и ряда других исследователей [32-37].

Говоря о произошедших в постсоветский период качественных сдвигах в южно-российской историографии аграрных сообществ 1920–1930-х гг., надо отметить плодотворную деятельность ученых по разработке нового теоретико-методологического инструментария и новых направлений исследования. В частности, заслуживает упоминания актуализация А.В. Барановым понятия «многоукладность», которое исследователь трактует как характерное состояние доколхозной деревни и под которым справедливо понимает не только как одновременное наличие ряда хозяйственных форм, но как «всеобъемлющее состояние, имевшее не только экономические, но и социальные, политические, ментальные проявления» [38]. Выведение многоукладности на первый план при анализе устройства доколхозной деревни представляется чрезвычайно важным, поскольку предполагает вариативность развития, а не изначальную заданность движения по пути колхозов и совхозов, как это утверждалось в советской историографии.

Нельзя не упомянуть разрабатываемую Т.А. Булыгиной и членами ее научной школы «Новую локальную историю» [39-40], которая понимается исследователями как «изучение истории региона, в данном случае Северного Кавказа, в исследовательском поле общероссийской истории, с позиций междисциплинарного подхода». [41] Данное направление исследований выглядит перспективным, позволяя в полной мере учитывать этнокультурные особенности южно-российских аграрных сообществ в процессе осуществленных советской властью в 1920-х – 1930-х гг. аграрных преобразований, устанавливая степень опосредованности вторых первыми.

Крушение марксизма как единственно верной методологии и развитие в условиях методологического плюрализма целого ряда новых направлений осмысления прошлого, таких, как история повседневности, гендерная история, историческая антропология и т.п. предоставило южно-российским исследователям возможность анализировать те стороны жизнедеятельности региональных аграрных сообществ 1920-х – 1930-х гг., которые ранее не укладывались в прокрустово ложе классового, историко-экономического, историко-политического подходов и потому практически не привлекали внимания специалистов. Отметим, в частности, исследования Ж.О. Абреговой, Е.Ф. Кринок, И.Г. Тажидиновой, Т.П. Хлыниной, посвященные анализу повседневной жизни населения Юга России эпохи нэпа; помимо прочего, в них освещены аспекты культуры и быта жителей доколхозной деревни [42-43].

Несмотря на вышеперечисленные позитивные явления в постсоветской региональной историографии аграрных сообществ 1920–1930-х гг., на протяжении последних лет явно прослеживается печальная тенденция, заключающаяся в угасании интереса южно-российских исследователей к проблемам жизнеустройства и жизнедеятельности населения доколхозной и, в особенности, коллективизированной деревни. Тенденция эта порождена рядом причин, и среди ведущих выступает общее отчуждение власти и общественности от российской деревни, ее жизни и ее проблем.

На общем печальном фоне отрадно наблюдать появление новых работ по рассматриваемой нами аграрной тематике, ибо каждая из них свидетельствует о сохраняющемся познавательном потенциале

южно-российских историков, специализирующихся в исследовании крестьянства и казачества. Особенно же обнадеживает, когда результатом целенаправленных усилий отдельных исследователей или групп ученых-единомышленников становятся уже не единичные факты историографии (сколь бы солидными они были), а постоянно пополняющийся комплекс специальных работ по аграрной истории Юга России 1920–1930-х гг. или, выражаясь иными словами, – когда мы наблюдаем формирование и деятельность целой научной школы. В настоящее время мы можем констатировать функционирование в нашем регионе как минимум одной такой аграрной школы. Полагаем, что эта школа, – назовем ее новочеркасской, – и ее представители вполне заслуживают того, чтобы посвятить ей несколько страниц в настоящей публикации.

Представители новочеркасской аграрной школы уже внесли заметный вклад в изучение жизнеустройства и жизнедеятельности казачьих и крестьянских сообществ Дона, Кубани, Ставрополя 1920–1930-х гг., значительно расширив наши знания и представления о хозяйстве, быте, культуре и перипетиях исторического пути этих сообществ. Руководитель научной школы, профессор А.П. Скорик, впервые не только в региональной, но и общероссийской историографии, осуществил глубокий и обстоятельный анализ бытия донских, кубанских, терских казаков в такой непростой период их общей истории, как 1930-е гг. Вопреки распространенным в литературе голословным утверждениям о якобы проводившемся и, более того, завершеном в данный период «расказачивании», А.П. Скорик убедительно доказал, что казачество не просто сохранилось как уникальная группа колхозного крестьянства, но во второй половине 1930-х гг. оно вновь было востребовано и признано партийно-советским руководством, а в ряде случаев события развивались настолько мощно, когда уже говорили даже об «оказачивании». Суждения и выводы А.П. Скорика по проблематике казачества 1930-х гг. нашли признание и полную поддержку научного сообщества, о чем свидетельствует факт успешной защиты им диссертации по указанной тематике [44-46].

Одной из отличительных черт работ А.П. Скорика является тяготение к раскрытию методологических проблем исследования (что прослеживается и в работах его учеников). Так, вторая глава его докторской диссертации по отечественной истории называется «Расказачивание как научная категория и историческое явление 30-х гг. XX века на Юге России и его предыстория». В ней анализируются специфика взаимодействия казаков и большевиков в преддверии «великого перелома», политика советской власти по отношению к казачеству в первой половине 30-х гг. XX в., восприятие донцов, кубанцев и терцев сплошной коллективизации и колхозной системы, комплекс существующих дефиниций и подходов к определению «расказачивания». [47] Здесь мы находим четкие определения каждого из этапов противостояния сталинского режима и казачье-крестьянского населения, понятия типов казачьих протестных акций, варианты трактовок «расказачивания». Очевидно, это связано с тем, что А.П. Скорик защитил первую докторскую диссертацию по социальной философии, [48] и его давно волнуют теоретические проблемы развития государственности, [49] а главное – многостороннего социального отклика казачества и крестьянства на макро и микроуровне исторического процесса на политику советского государства в 1920-е – 1930-е, да и 1950-е гг. [50] И если в докторской диссертации по социальной философии поставлена проблема концептуального рассмотрения исторической ошибки и социального эксперимента на уровне социально-философского анализа, [51] то в последующих работах мы видим локализацию научного дискурса на теоретических проблемах истории и современности казачества [52-56].

В работах его ученика – В.А. Бондарева, впервые в южно-российской историографии, коллективизация 1930-х гг. рассматривается с позиций теории модернизации. Действуя в рамках этого, сравнительно нового для отечественной исторической науки, подхода, сформировав и проанализировав широкую источниковую базу, В.А. Бондареву удалось убедительно выявить как достоинства, так и недостатки колхозной системы в том ее виде, в каком она существовала в 1930-х гг. Отмечая многократное превосходство колхозов над индивидуальными земледельческими хозяйствами по уровню механизации, агрономического обслуживания, размерам посевных площадей и пр., исследователь справедливо подчеркнул, что даже к исходу 1930-х гг. уровень энерго и технической оснащенности коллективных хозяйств, равно как и их общее организационно-хозяйственное состояние, были далеко недостаточны для успешного функционирования. Тем самым, коллективизация может позиционироваться в качестве фрагментарной (частичной) модернизации аграрного производства в СССР, по завершении которой постоянно продолжалось проведение мер по дальнейшему осовремениванию сельского хозяйства [57-58]. Наиболее фундаментальной работой В.А. Бондарева является монография «Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни», где научному сообществу предложено множество инновационных суждений, в частности, о кулачестве, раскулачивании и раскрестьянивании [59].

Помимо указанных выше работ, представители новочеркасской школы посвятили целый ряд монографий освещению тех сторон и аспектов исторического бытия колхозной деревни Юга России 1930-х гг., которые практически отсутствовали в качестве предмета исследования в предшествующей региональной историографии. А.П. Скорик и М.А. Гадицкая детально проанализировали гендерные аспекты коллективизации, устройства и функционирования колхозов и сельской действительности 1930-х гг., установив удельный вес женщин в общей массе южно-российских колхозников, развитие их гендерного потенциала в условиях колхозного строительства, степень их вовлеченности в

общественное производство, роль в тех или иных отраслях колхозной экономики, специфику повседневности и ментальности. [60]

В работах В.А. Бондарева и Т.А. Самсоненко подробно рассматривались вопросы формирования, устройства и деятельности систем социальной помощи и медицинского обслуживания в коллективизированных селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя. Подобные вопросы в региональной южно-российской литературе затрагивались, как правило, лишь в 1930-х гг., да и то, их рассмотрение в то время отличалось не научным, теоретически-выверенным характером, а вполне практическим, прикладным. Тем самым, работы названных авторов заполнили десятилетиями существовавшую в южно-российской историографии лакуну. [60-62]

А.С. Левакин и В.А. Бондарев сосредоточили усилия на освещении проблемы формирования и деятельности административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств Юга России 1930-х гг. Парадоксально, но данная тема не нашла отражения в предшествующей научной литературе, несмотря на чрезвычайно важную роль партийных и административных структур в функционировании колхозной системы. [63-64] В.А. Бондарев и М.А. Гадицкая уделили внимание столь популярной в современной историографии теме, как повседневность. Исследователи провели детальный анализ трудовой повседневности в донских, кубанских, ставропольских колхозах 1930-х гг., на основе массива документов и материалов, воссоздав не только производственный быт колхозников и рабочих МТС, но и осветив особенности их досуга, конфликтных ситуаций на работе, методы стимулирования трудовой активности советских аграриев и т.п. [65]

Представители новочеркасской научной школы детально изучают аграрные сообщества Юга России эпохи нэпа, причем в последние годы они заметно активизировали усилия в данном направлении исследований. Отметим работы А.П. Скорика и Р.Г.Тикиджьяна о жизни донских казаков на протяжении 1920-х гг., [66] В.А. Бондарева и Т.В. Панковой-Козочкиной о путях развития крестьянско-казацкого земледелия эпохи нэпа. [67] Совместная монография А.П. Скорика и С.Д. Багдасарян, а также статья С.Д. Багдасарян о таких аспектах повседневности доколхозных сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополя, как досуг и праздник, позволила заполнить ряд «белых пятен» в региональной историографии, в которой указанные вопросы практически никогда не привлекали пристального внимания [68-70]. В монографии Т.В. Панковой-Козочкиной раскрываются процессы становления местных органов власти после Гражданской войны и в годы нэпа, показываются противоречия между действовавшими нормативно-правовыми актами и большевистской административной практикой, выделяются особенности электорального процесса в станицах и селах, изучаются деятельность и представления в казачье-крестьянской среде о «союзах хлеборобов» как выразителях деревенских интересов и ценностей, исследуются степень участия и роль казачек и крестьянок в жизни местного сообщества, даются характеристики социально-профессиональной корпорации работников сельсоветов [71].

Заключение. Аграрные научные школы на Юге России, изучающие историческое время 1920-х – 1930-х гг., да и весь советский период, во многом своим исследовательским достижениям обязаны лидерам этих научных сообществ, таким как Ю.П. Денисов, Е.Н. Осколков, В.Е. Щетнев и др. К сожалению, в большинстве случаев с уходом в мир иной ведущих исследователей аграрные научные школы постепенно распадаются. Гораздо реже, как в случае с новочеркасской аграрной школой (А.П. Скорик является учеником Ю.П. Денисова, активно изучавшего аграрную историю 1940–1980-х гг.), происходит формирование нового научного сообщества, продолжающего уже на современном этапе изучение аграрной проблематики. Для новочеркасской аграрной школы характерно стремление к комплексному освещению проблемы бытия аграрных крестьянско-казацких сообществ Юга России 1920–1930-х гг., когда труд на земле, быт, культура, менталитет сельского населения выступают частями единого целого, именуемого сельской действительностью. Основывая каждую свою работу на обширной источниковой базе, прежде всего, архивных материалах, предварительно подвергнутой обязательному и тщательному критическому анализу, новочеркасские исследователи (научное сообщество ученых, объединяющихся вокруг профессора А.П. Скорика, ибо территориально не все они проживают в столице донского казачества) стремятся к объективному осмыслению проблем минувшего. В этой научной школе изучают аграрные сообщества крестьян и казаков, отдельные социально-профессиональные группы (например, трактористов), хозяйственно-политические группы (например, кулаков, «красных партизан» [72]), гендерные группы (например, женщин). Причем, для них важно выявление не только негатива и/или позитива, и даже не исторического опыта. Ученые новочеркасской школы стремятся показать все многообразие деревенской жизни и раскрывают ее так, чтобы детальнейшим образом разобраться, а какова она история деревни в 1920–1930-е гг.

Примечания:

1. Термин, достаточно часто употребляемый в научно-публицистических дискуссиях, в частности, академиком Д.С. Львовым. См.: Академик Дмитрий Львов: «Нас обессилил синдром вживания в катастрофу» // URL: <http://ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=293daa03-b77d-476b-893d-35e8a8bd2742> (дата обращения: 07.09.2014).

2. Асаульченко П. К восстановлению сельского хозяйства на Кубани // Путь Советов. 1922. № 3–4.

3. Коновалов А. Состояние сельского хозяйства на Юго-Востоке России в 1922 и 1923 гг. // Юго-Восток. 1924. № 1 – 2.
4. Левин С. Сельское хозяйство края в 1924 – 1925 году (по данным налогового учёта 1925 г.) // Северо-Кавказский край. 1925. № 9.
5. Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краткий очерк. Ростов н/Д. Краснодар, 1924.
6. Чёрный В. Политика партии на Кубани в области землеустройства // На аграрном фронте. 1927. № 2.
7. Понимарёв А.А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. Ростов н/Д., 1925.
8. Конюков И.А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928;
9. Мартынов М. К характеристике социальной дифференциации деревни на Тереке. Социально-экономический очерк. Пятигорск, 1928.
10. Осинский С. Краткий очерк сельскохозяйственной кооперации Юго-Востока. Ростов н/Д., 1924.
11. Михайлов И. Итоги колхозного строительства (к 10-й годовщине Октября) // Северо-Кавказский край. 1927. № 10.
12. Клейнер И.М. Действительность кубанской станицы. Краснодар, 1924.
13. Горюнов П.М. О перевыборах советов на Дону. Ростов н/Д., 1927.
14. Горюнов П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Новочеркасск, 1925.
15. Ульянов И. Казаки и Советская республика. М. – Л., 1929.
16. Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д., 1931.
17. Дарьев А.Б. Колхозный Дон. Ростов н/Д., 1933; Наш край (сельское хозяйство Орджоникидзевского края). Пятигорск, 1939; Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. Ростов н/Д., 1940.
18. Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921 – 1929). Ростов н/Д., 1972.
19. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920 – 1929 гг. Ростов н/Д., 1987;
20. Устиновский Е.В. Ленинская аграрная программа и её осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917 – 1927 гг.). Ростов н/Д., 1989.
21. Канцдалов П.З. Коллективизация сельского хозяйства на Тереке: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1951.
22. Пейгашев В.Н. Большевики Ставрополья в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1951.
23. Турчанинова Е.И. Подготовка и проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства в Ставрополье. Душанбе, 1963.
24. Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа (очерки истории партийного руководства коллективизацией крестьянских и казачьих хозяйств). Ростов н/Д., 1973.
25. Щетнёв В.Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920 – 1927 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.
26. Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д., 1971.
27. Кругов А.И. Голод 1921–1922 гг. в Ставропольской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
28. Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики: (1921–1929 гг.). СПб., 1996;
29. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999;
30. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д., 1997;
31. Панарин А.А. Социально-экономическая трансформация отечественной кооперации в 1921 – 1929 гг.: На материалах Дона и Северного Кавказа. Дис. ... докт. ист. наук. Армавир, 2004.
32. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991.
33. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3-23.
34. Токарева Н.А. Деформация социально-экономических отношений в станицах и сёлах Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1994.
35. Куцетеров Р.М. Аграрная политика Советского государства. 1917 – 1991 гг. (на материалах Северного Кавказа): Дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 1997.
36. Чернопицкий П.Г. Голод 1932 / 1933 гг. на Кубани // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 26-32.
37. Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб., 2000.
38. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 22.
39. Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники,

- столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской Интернет-конференции. Ставрополь. 2003. С. 3-11.
40. Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 27-34.
41. Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 27.
42. Абрегова Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2004.
43. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920 – 1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011.
44. Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д., 2008.
45. Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д., 2009.
46. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009.
47. Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2009. С. 20-27.
48. Скорик А.П. Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе. Дис. ... докт. философ. наук. Ростов н/Д., 2001.
49. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Квазигосударственность // Полис (Политические исследования). 1994. № 5. С.139-142.
50. Скорик А.П. Донское казачество в начале 1950-х гг. // Вопросы истории (г. Москва). 2013. № 1. С. 64-72.
51. Скорик А.П. Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе. Автореф. дис. ... докт. философ. наук. Ростов н/Д., 2001. С. 11-20.
52. Скорик А.П., Озеров А.А. Этносоциальный адрес донцов. Научно-полюемический дискурс. Ростов н/Д., 2005.
53. Скорик А.П. Казачья корпорация на Дону как современный социальный проект // Клио (г. Санкт-Петербург). 2006. № 1(32). С.167-176.
54. Скорик А.П. Социально-этнические образы и константы казачества Юга России 1930-х гг. // Образ «Другого» в поликультурных обществах: Материалы междунар. науч. конф. Пятигорск, 22-24 апреля 2011 г. Пятигорск – Ставрополь – Москва, 2011. С. 365-368.
55. Скорик А.П. Инсталляция современного казачества в социальном ландшафте российского общества // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: Материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г. / Редкол.: В.Н. Ратушняк (отв. ред.). Краснодар, 2012. С. 235-242.
56. Скорик А.П. Опыт создания исторического описания Первого Донского округа // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей: материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 1150-летию славянской письменности. Краснодар, 2013. С. 146-154.
57. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.
58. Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д., 2006.
59. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. С. 258-268.
60. Скорик А.П., Гадицкая М.А. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д., 2009.
61. Бондарев В.А., Самсоненко Т.А. Социальная помощь в колхозах 1930-х гг.: на материалах Юга России. Новочеркасск, 2010.
62. Самсоненко Т.А. Коллективизация и здравоохранение на Юге России 1930-х годов. Новочеркасск, 2011.
63. Левакин А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья). Дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2009.
64. Левакин А.С., Бондарев В.А. Колхозная администрация 1930-х гг.: социальный портрет и профессиональная деятельность. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG, 2012.

65. Гадицкая М.А., Бондарев В.А. Трудовая повседневность колхозной деревни: складывание новых производственных отношений в селах и станицах Юга России 1930-х годов. Новочеркасск, 2014.

66. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010.

67. Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск, 2012.

68. Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012.

69. Bagdasaryan S.D. Militarization of South-Russian Peasants' Leisure in 1920s // Военный сборник. 2013, № 1, pp. 13-17.

70. Bagdasaryan S.D. Daily Occurrence of the Southern Russian Peasantry and Church Institute in the 1920th // European Journal of Social and Human Science, 2014, Vol.(1), № 1, pp. 6-10.

71. Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

72. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история (г. Москва). 2009. № 4. С.104-114.

References:

1. A term often used in scientific and journalistic discussions, in particular, academician D.S. Lvov. See: Academician Dmitry Lvov: «We are weakened by the syndrome of surviving in the catastrophe» // URL: <http://ras.ru/digest/shownews.aspx?id=293daa03-b77d-476b-893d-35e8a8bd2742> (date of access: 07.09.2014). (In russian).

2. Asaulenko P. To the recovery of agriculture in the Kuban // Path of Soviets. 1922. No. 3-4. (In russian).

3. Konovalov A. The State of agriculture in the South-East of Russia in 1922 and 1923 // South-East. 1924. No. 1-2. (In russian).

4. Levin S. Agriculture region in 1924 - 1925 (according to tax records 1925) // North-Caucasian region. 1925. No. 9. (In russian).

5. Goldentul I. Land relations in the Kuban. A brief outline. Rostov on/D. Krasnodar, 1924. (In russian).

6. Chernyui I. The policy of the party in the Kuban region in the area of the land // In the agricultural front. 1927. No. 2. (In russian).

7. Ponomarev A.A. To the folation's characteristic of the North Caucasian village. Rostov on/D., 1925. (In russian).

8. Konyukov I.A. About the stratification of farms Kuban. Krasnodar, 1928. (In russian).

9. Martynov M. To the characterization of social differentiation village on the Terek. Socio-economic profile. Pyatigorsk, 1928. (In russian).

10. Osinsky, S. A brief outline of agricultural cooperatives in the South-East. Rostov on/D., 1924. (In russian).

11. Mikhailov I. The results of the collective farm construction (to the 10-th anniversary of the October /North-Caucasian region. 1927. No. 10. (In russian).

12. Kleiner I.M. The validity of the Kuban Cossack village. Krasnodar, 1924. (In russian).

13. M. Goryunov O.N. About the elections of Soviet on Don. Rostov on/D., 1927. (In russian).

14. Goryunov P.M. About the Cossack question (From observations and experience in Yeisk region of the Don district). Novocherkassk, 1925. (In russian).

15. Ulyanov I. Cossacks and the Soviet Republic. M. - L., 1929. (In russian).

16. Lichnicki N.T. The class struggle and the kulaks in the Kuban. Rostov on/D., 1931. (In russian).

17. Dariev A.B. Don Collective. Rostov on/D., 1933; Our land (agriculture of Ordzhonikidze region). Pyatigorsk, 1939; The economy of the Rostov region for 20 years. Rostov on/D., 1940. (In russian).

18. Ovchinnikova M.I. Soviet peasantry of the North Caucasus (1921–1929). Rostov on/D., 1972. (In russian).

19. Chernopiskii P.G. Village of North Caucasus region in 1920 - 1929 Rostov on/D., 1987. (In russian).

20. Ustinovskiy E.V. Leninist agrarian programme and its implementation in the North Caucasus (October 1917 - 1927 years.). Rostov on/D., 1989. (In russian).

21. Kantsedalov P.Z. The collectivization of agriculture on the Terek: Dis. ... PHD. Pyatigorsk, 1951. (In russian).

22. Peigashev V.N. The Bolsheviks of Stavropol in the struggle for total collectivization of agriculture: Dis. ... PHD. Pyatigorsk, 1951. (In russian).

23. Turchaninova E.I. Preparation and execution of continuous collectivization of agriculture in the Stavropol region. Dushanbe, 1963. (In russian).

24. Oskolkov E.N. The victory of the collective farm system in the grain areas of the North Caucasus (essays of the history of the party leadership collectivization of peasant and Cossack farms). Rostov on/D., 1973. (In russian).

25. Schetnev V.E. The class struggle in Kubanskaya stanitsa (1920 - 1927 years.). Abstract from dis. ... PHD. M., 1968. (In russian).

26. Ivanov V.I., Chernopiskii P.G. The Socialist construction and the class struggle on Don (1920 - 1937). Historical essay. Rostov on/D., 1971. (In russian).

27. Kruglov A.I. Starvation of 1921 - 1922 in the Stavropol province. Dis. ... PHD. M, 1995. (In russian).

28. Baranov A.V. Social and political development of the North Caucasus in the context of the new economic policy (1921 - 1929). SPb., 1996. (In russian).

29. Baranov A.V. Mixed society of the Northern Caucasus in the context of the new economic policy. Krasnodar, 1999. (In russian).

30. Perechov A.A. Power and Cossacks: the search for agreement. Rostov on/D., 1997. (In russian).

31. Panarin A.A. Socio-economic transformation of domestic cooperation in 1921 - 1929: On the materials of the Don and the North Caucasus. Dis. ... PHD. Armavir, 2004. (In russian).

32. Oskolkov E.N. The famine of 1932 / 1933. Grain reserves and the hunger 1932/1933 years in the North Caucasus region. Rostov on/D., 1991. (In russian).

33. Oskolkov E.N. Tragedy of «chernoloschenyh» stanits: documents and facts // *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social science.* 1993. No. 1 - 2. P. 3-23. (In russian).
34. Tokareva N.A. Deformation of socio-economic relations in the villages and stanitsas of the North Caucasus region in 1928 - 1929 Dis. ... PHD. Rostov on/D., 1994. (In russian).
35. Kuscheterov R.M. Agricultural policy of the Soviet state. 1917 - 1991 (on the materials of the North Caucasus): Dis. ... PHD. Stavropol, 1997. (In russian).
36. Chernopiskii P.G. Famine of 1932 / 1933 in Kuban // *Native Kuban.* 2002. No. 3. P. 26-32. (In russian).
37. Maltseva N.A. Essays on the history of collectivization in the Stavropol region. SPb., 2000. (In russian).
38. Baranov A.V. Mixed society of the Northern Caucasus in the context of the new economic policy. Krasnodar, 1999. P. 22. (In russian).
39. Malovichko S.I. Boulygina T.A. Modern historical science and the study of local history // *New local history. Vol. 1. A new local history: methods, sources, metropolitan and provincial historiography: proceedings of the first national Internet conference.* Stavropol. 2003. P. 3-11. (In russian).
40. Bulygina T.A. Historical anthropology and research approaches of the «new local history» // *Man on the historical twists and turns of the twentieth century* / Ed. by A.N. Ereemeeva, A.Y. Rozhkova. Krasnodar, 2006. P. 27-34. (In russian).
41. Bulygina T.A. Historical anthropology and research approaches of the «new local history» // *Man on the historical twists and turns of the twentieth century* / Ed. by A.N. Ereemeeva, A.Y. Rozhkova. Krasnodar, 2006. P. 27. (In russian).
42. Abregova Z.O. The Everyday life of the rural population of the Kuban (end of XIX - the first third of the XX centuries). Dis. ... PhD. Maykop, 2004. (In russian).
43. Krinko E.F., Tajidinova I.G., Hlynina T.P. Everyday world of Soviet man of the 1920 - 1940s: life in terms of social transformations. Rostov on/D., 2011. (In russian).
44. Skorik A.P. Diversity of the Cossacks of Southern Russia in the 1930-ies: essays on the history. Rostov on/D., 2008. (In russian).
45. Skorik A.P. Cossack southern Russia in the 1930-ies: the edge of the historic fate of the social community. Rostov on/D., 2009. (In russian).
46. Skorik A.P. Cossacks of Southern Russia in the 30-ies of XX century: a historical conflicts and the experience of transformation. Dis. ... PHD. Stavropol, 2009. (In russian).
47. Skorik A.P. Cossacks of Southern Russia in the 30-ies of XX century: a historical conflicts and the experience of transformation. Abstract. dis. ... PHD. Stavropol, 2009. S. 20-27. (In russian).
48. Skorik A.P. Problems of experiments and errors in the historical process. Dis. ... PHD. Sciences. Rostov on/D., 2001. (In russian).
49. Skorik A.P., Lukichev P.No Quasigovernment // *Polis (Political studies).* 1994. No. 5. P. 139-142. (In russian).
50. Skorik A.P. Don Cossacks in the early 1950s, // *Questions of history, Moscow.* 2013. No. 1. P. 64-72. (In russian).
51. Skorik A.P. Problems of experiments and errors in the historical process. Abstract. dis. ... PHD. Rostov on/D., 2001. P. 11-20. (In russian).
52. Skorik A.P., Ozerov A.A. Ethnosocial address Dontsov. Scientific and polemical discourse. Rostov on/D., 2005. (In russian).
53. Skorik A.P. Cossack Corporation on Don as a modern social project // *Clio (St. Petersburg).* 2006. No. 1(32). P. 167-176. (In russian).
54. Skorik A.P. Socio-ethnic images and constants of the Cossacks of Southern Russia of the 1930s, // *The Image of the «Other» in a multicultural society: proceedings of the Intern. scient. conf. Pyatigorsk, April 22-24, 2011 Pyatigorsk - Stavropol - Moscow,* 2011. P. 365-368. (In russian).
55. Skorik A.P. Installation of the modern Cossacks in the social landscape of the Russian society // *the Russian Cossacks: history, problems revival and prospects: Materials of all-Russian. scient. conf. (October 2011 / editorial Board.: V.N. Ratushnyak (resp. as amended). Krasnodar,* 2012. P. 235-242. (In russian).
56. Skorik A.P. The experience of creating a historical description of the First of the Don district // *Issues of national historiography and national historic views of the Slavs and their neighbors: materials of International scientific-practical use. Conf., dedicated to the 1150th anniversary of Slavonic literature.* Krasnodar, 2013. P. 146-154. (In russian).
57. Bondarev V.A. Fragmentary modernization of post-October village: the story of the transformation of agriculture and the evolution of the peasantry in the late 20's – early 50-ies of XX century on the example of the grain areas of the Don, the Kuban and Stavropol. Rostov on/D., 2005. (In russian).
58. Bondarev V.A. Peasantry and collectivization: the diversity of socio-economic relations of villages in the districts of the Don, the Kuban and Stavropol in the late 20-ies and 30-ies of XX century. Rostov on/D., 2006. (In russian).
59. Bondarev V.A. Fragmentary modernization of post-October village: the story of the transformation of agriculture and the evolution of the peasantry in the late 20's – early 50-ies of XX century on the example of the grain areas of the Don, the Kuban and Stavropol. Rostov on/D., P. 258-268. (In russian).
60. Skorik A.P., Gadickaya M.A. Women-collective farmers of the South of Russia in the 1930-ies: gender-capacity and mentality. Rostov on/D., 2009. (In russian).
61. Bondarev V.A., Samsonenko T.A. Social assistance in collective farms of the 1930s: in the South of Russia. *Novocherkassk,* 2010. (In russian).
62. Samsonenko T.A. Collectivization and health care in the South of Russia of the 1930-ies. *Novocherkassk,* 2011. (In russian).
63. Levakin A.S. Formation and activities of the administrative office of the farms in the 1930s (on the materials of the Don, the Kuban and Stavropol). Dis. ... PhD. *Novocherkassk,* 2009. (In russian).
64. Levakin A.S., Bondarev V.A. The collective administration of the 1930s: a social portrait and professional activities. *Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co. KG,* 2012. (In russian).
65. Gadickaya M.A., Bondarev V.A. Labor daily farm village: building new relations of production in villages and stanitsas of the South of Russia of the 1930-ies. *Novocherkassk,* 2014. (In russian).

66. Skorik A.P., Tikijian R.G. The brave Don Cossacks in 1920-ies: essays on the history. Rostov on/D., 2010. (In russian).
67. Pankova-Kozochkina T.V., Bondarev V.A. Cossack-peasant economy in the era of NEP: problems of modernization of agrarian relations in the South of Russia. Novocherkassk, 2012. (In russian).
68. Bagdasaryan S.D., Skorik A.P. Peasant everyday life of the era of NEP: leisure and holiday in the South of the Russian village in the 1920-ies. Novocherkassk, 2012. (In russian).
69. Bagdasaryan S.D. Militarization of South-Russian Peasants' Leisure in 1920s // Военный сборник. 2013, № 1, pp. 13-17. (In russian).
70. Bagdasaryan S.D. Daily Occurrence of the Southern Russian Peasantry and Church Institute in the 1920th // European Journal of Social and Human Science, 2014, Vol.(1), № 1, pp. 6-10.
71. Pankova-Kozochkina T.V. Cossack-peasant government of the era of NEP: problems of modernization of power relations in Southern Russia in 1920-ies. Novocherkassk, 2014. (In russian).
72. Skorik A.P., Tikijian R.G. Red partisans in the Soviet reality of the 1920s and 1930-ies (on the materials of the South of Russia // Russian history, Moscow). 2009. No. 4. P. 104-114. (In russian).

УДК 94(470.6)"1920": 94(470.6)"1930"

**Исследовательские практики
изучения аграрных сообществ юга России 1920–1930-х гг.**

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Российская Федерация
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: BSD73@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен обзор историографии проблемы жизнедеятельности южно-российских аграрных (крестьянских и казачьих) сообществ в 1920–1930-х гг., а также проанализирован теоретико-методологический инструментарий исследования данных сообществ на отмеченном этапе их истории. Выделяются основные принципы, направления и результаты осуществлявшихся в советское и постсоветское время научных исследований проблемы жизнедеятельности земледельцев Дона, Кубани и Ставрополя в эпоху нэпа и период колхозного строительства. Охарактеризованы ныне существующие на Юге России научные школы по изучению крестьянско-казачьих сообществ 1920–1930-х гг., дана оценка их деятельности.

Ключевые слова: аграрные сообщества; историография; казачество; коллективизация; колхозы; крестьянство; кулаки; расказачивание; раскулачивание; научная школа.